

На правах рукописи

Лаврёнова Анна Михайловна

ОТДЕЛЬНЫЙ КОРПУС ЖАНДАРМОВ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В 1880-
1917 ГГ.

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Москва 2018

Работа выполнена на кафедре истории государственных учреждений и общественных организаций федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет».

Научный руководитель: **Сенин Александр Сергеевич,**
доктор исторических наук, профессор.

Официальные оппоненты **Реент Юрий Арсенович,**
доктор исторических наук, профессор
федеральное казенное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний»,
юридический факультет,
кафедра философии и истории, профессор.

Бакшт Дмитрий Алексеевич,
кандидат исторических наук, федеральное
государственное бюджетное учреждение
высшего образования «Красноярский
государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева», кафедра отечественной
истории, доцент.

Ведущая организация федеральное государственное бюджетное
учреждение высшего образования
«Ульяновский государственный университет».

Защита состоится «16» ноября 2018 г. в 14.00 часов на заседании
Диссертационного совета Д 212.198.07 (исторические науки), созданного на базе
РГГУ, по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ по
адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 и на сайте РГГУ по
адресу:

http://www2.rsuh.ru/binary/2638032_34.1521014075.58891.pdf

Автореферат разослан « ___ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

Барышева Елена Владимировна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования.

На протяжении XX в. концепции изучения опыта царских спецслужб претерпели значительные изменения: работы, опирающиеся на классовый подход советской исторической школы, сменились классическими государствоведческими исследованиями, и впоследствии, на современном этапе, на первый план выступили исследования, в которых процесс реформирования органов политической полиции представлен в неразрывной взаимосвязи с соответствующими трансформациями революционного и общественного движения. В рамках данного подхода особую актуальность приобретают анализ опыта взаимоотношений полицейских чинов с представителями различных слоев общества, а также изучение комплекса учреждений политической полиции, как сложной и неоднородной социальной структуры, что вполне соответствует тенденциям, господствующим в современных социальных науках, предполагающих непосредственное обращение к человеческому фактору.

Спецслужбы и, в частности, политическая полиция, являются органичной частью любого государства, вместе с тем, эффективная работа полиции практически невозможна без общественной поддержки. Политическая полиция Российской империи реализовала свои задачи в условиях, по большей части, негативного общественного восприятия, тем более важны попытки осмыслить истоки и содержание такового. Вот почему актуальность рассматриваемой темы определяется как потребностью восполнить пробелы в проблематике историографии политической полиции Российской империи, так актуальностью вопроса о формировании позитивного образа спецслужб в наши дни.

Степень изученности темы. Историография политической полиции берет свое начало в дореволюционный период, когда в работах правоведов были затронуты отдельные вопросы взаимодействия жандармских чинов с обществом через призму их компетенции и должностных обязанностей. Из трудов современников выделяется работа бывшего директора Департамента полиции

А.А. Лопухина. Первым из авторов, вплотную приблизившимся к вопросам взаимодействия общества и жандармов стал М.К. Лемке.

После победы Февральской революции 1917 года, с открытием доступа к архивным документам бывших полицейских учреждений, появляется значительное количество публикаций, посвященных борьбе жандармских чинов с революционным движением в России. Эти брошюры составили обширную, но стилистически однотипную историографию данного периода. Основное внимание авторов в это время было направлено на разоблачение секретных сотрудников-«провокаторов».

В советской историографии тема организации жандармерии пережила краткий всплеск исследовательского интереса на рубеже 20-30-х гг., когда появились работы П.Е. Щёголева, И.М. Троцкого. Однако постановка ключевых проблем и подбор исследуемого материала вплоть до конца 60-х гг. XX в. оставались идеологически детерминированы, и тема взаимодействия чинов Отдельного корпуса жандармов и общества играла специфическую роль, являясь хрестоматийным сюжетом в истории классовой борьбы.

С середины 60-х гг. исследователи начинают уделять более значительное внимание карательно-розыскному аппарату самодержавия и отдельным вопросам его организации и деятельности. История правоохранительных органов нашла отражение в трудах Н.П. Ерошкина, П.А. Зайончковского, Т.Г. Деревниной, Р.С. Мулукаева и др. в рамках изучения государственных учреждений России. Чуть позднее когорту историков, рассматривающих роль карательно-розыскных органов самодержавия в государственной и общественной жизни России, дополнили Л.И. Тютюнник, А.Е. Скрипилев, И.В. Киреев, Т.Г., И.В. Оржеховский и др. Большая работа по исследованию механизма и особенностей функционирования карательно-розыскных органов Российской империи проведена З.И. Перегудовой, чьи труды стали признанной классикой «полициеведения».

С середины 1990-х гг. наблюдается небывалый рост числа исследований, касающихся политической полиции, изрядно простимулированный высоким

читательским спросом. Начинается всестороннее исследование феномена политической полиции: от исследования ранних форм её организации, до ревизии приемов. Вопрос отношений полиции и общества был затронут в работах О.В. Будницкого и А. Гейфман, раскрывших взаимодействие жандармских чинов с противоправительственными силами в контексте темы революционного террора

В 2000-е гг. исследователи всё больше внимания обращают на организационно-правовые основы карательного аппарата самодержавия, отдельные периоды его функционирования, его структурные компоненты, в орбиту исследовательского интереса всё чаще начинают попадать различные аспекты взаимодействия политической полиции и общества. В монографии А.Г. Чукарёва большое внимание уделено борьбе политической полиции с либеральной, революционно-демократической и прочей нелояльной литературой и журналистикой. В диссертации А.О. Костылева затронуты вопросы профессиональной подготовки и нравственного воспитания жандармских чинов.

Ещё на рубеже веков интерес к органам политической полиции и их антагонистам начал свое победное шествие по стране, а к концу нулевых география исследований охватила почти все регионы России. Накопление и систематизация данных в рамках этих исследований позволили историкам выйти на качественно иной уровень понимания взаимодействия и взаимовлияния, которые оказывали друг на друга учреждения политического сыска и революционные организации. К наиболее ярким работам данного периода можно отнести исследования Ю.Ф. Овченко, позволяющие представить, как складывались практические методики противодействия учреждений политического сыска революционному движению, как они превращались в распоряжения Департамента полиции, и насколько восприимчивы к этим распоряжениям были провинциальные структуры.

Уход от классической государствоведческой тематики являет собой диссертационное исследование Л.В. Ульяновой, посвященное особенностям взаимоотношений политической полиции и либерального движения. Однако Ульянова рассматривает опыт отдельных и наиболее знаменитых представителей

политического сыска, за чьими масштабными фигурами опыт тысяч их менее именитых коллег оказывается едва различим.

Фундаментальная монография «Три века русской полиции», изданная в начале 2016 г., в числе прочих поднимает проблему отношения общества к органам политического розыска и, в частности, к жандармским чинам. Впрочем, рассматривая политическую полицию в контексте истории полицейских учреждений вообще, авторы хотя и констатируют негативную общественную оценку, но опускают специфику таких взаимоотношений, свойственную исключительно жандармам.

Особый интерес представляют работы Ю.А. Реента и, в частности, 4-я глава его докторской диссертации, затрагивающая проблему взаимоотношения полиции и общества. Реент исследует этические и социально-экономические характеристики межличностных взаимосвязей в коллективах охранительных структур. Вместе с тем, изучение политической полиции рассматривается в контексте всего полицейского аппарата, и потому тематика, затрагивающая регулярную полицию, преобладает.

Важную роль в комплексе полицейских исследований последних лет занимает докторская диссертация С.Н. Жарова, посвященная оперативно-розыскной деятельности царской полиции, и в т.ч. политического сыска. III-й раздел его работы посвящен анализу нормативно-правового регулирования основных методов политического розыска. Автор видит в охране правопорядка основную цель государства, главным способом её достижения – оперативно-розыскную деятельность, эффективность которой, в свою очередь, во многом определяется характером сотрудничества общества с розыскными органами.

Проблемы функционирования полицейского аппарата самодержавия и его отношений с отдельными группами и представителями российского общества представлены в исследованиях Дж. Дэйли, посвященных истории политической полиции и её борьбе с оппозиционным движением. В числе прочего Дейли делает немаловажный вывод, что несмотря на победу над революционерами и

террористами, полицейский аппарат империи «проиграл сражение с обществом», однако многие подробности этого сражения остаются за бортом исследования.

Таким образом, если формальное место комплекса жандармских учреждений в государственной системе Российской империи определено вполне конкретно, то совокупность взаимоотношений «жандармы - общество» была представлена на страницах историографии довольно фрагментарно. В историографии практически отсутствует тема частного, личного взаимодействия и внеслужебного общения жандармских чинов. Те редкие попытки сопоставления реальной службы жандармов с общественными представлениями о таковой, как правило, делались на излишне нетипичных для регулярной практики примерах. Механизм складывания общественной оценки деятельности чинов Отдельного корпуса жандармов также никогда не рассматривался отдельно.

Объектом диссертационного исследования является Отдельный корпус жандармов.

Предмет исследования составляют взаимоотношения чинов Отдельного корпуса жандармов между собой, с государственными чиновниками и представителями российского общества.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента реорганизации аппарата политической полиции в 1880 году и создания Департамента государственной полиции до фактической ликвидации всех структур Отдельного корпуса жандармов после Февральской революции 1917 года.

Цель диссертации – выявление и анализ характерных черт взаимоотношений чинов Отдельного корпуса жандармов с чиновниками различных ведомств, общественностью, прессой, представителями противоправительственных организаций; реконструкция восприятия обществом деятельности чинов Отдельного корпуса жандармов и сопоставление с реальными фактами жандармской службы.

Важно отметить, что в вопросе концептуализации понятия «общество» применительно к пореформенной России, мы, естественно, подразумеваем уже не социальные верхи, но, скорее, интеллектуальные круги, «потребителей культурной продукции»¹. По определению В.Я. Гросула, общество – это «особый социальный организм, отличный от власти и от народа»². Общество рубежа веков – это уверенный субъект действия, по большей части, находящийся в оппозиции к государственной власти. Сомнительным представляется вопрос, насколько можно исключить из рассмотрения народ, не принадлежащий к категории культурных, образованных людей, однако являвшийся движущей силой масштабных социальных потрясений, а также и предполагаемым конечным бенефициаром общественно-политических учений. В равной мере, совершенно неверным было бы выделять из общества представителей власти, поголовно удовлетворяющих критериям образованности. Кроме того, подавляющее число образованных людей, составляющих интеллектуальную элиту, было инкорпорировано в бюрократическую структуру государства. Представители власти ничуть не в меньшей степени были заняты вопросами, составлявшими повестку дня «думающей» публики, и, более того, нередко лица, непосредственно олицетворяющие власть, и являлись творцами этой повестки. Здесь будет достаточно назвать хотя бы имена М.И. Трусевича и С.В. Зубатова, А.А. Лопухина и В.Ф. Джунковского. По мнению исследователя Ю. Сафроновой, с уверенностью можно сказать лишь то, что представителями общества «не были Государь Император, члены Императорской Фамилии, министры и, пожалуй, губернаторы»³. Однако в рамках определения понятия «общество», учреждения политического сыска руководствовались иными критериями. Так, к примеру, иммунитетом от перлюстрации писем в Российской империи обладали лишь две

¹Калугин Д.Я. История понятия «общество» от Средневековья к Новому времени: русский опыт// От общественного к публичному: Коллективная монография/ Науч. Ред. О.В. Хархордин. СПб., 2011. С. 373-375.

²Гросул В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков. М., 2003. С. 6.

³Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879-1881 годы/ Юлия Сафронова.- М., 2014, С. 15.

персоны – император и действующий министр внутренних дел⁴. Что касается жандармов, то они были формально отделены от общества своей наблюдательной по отношению к нему ролью, что вынуждает к возможно более широкой трактовке понятия «общество», делающей исключение лишь для представителей вертикали учреждений жандармского надзора и их высочайшего начальства.

Для достижения поставленной цели были поставлены и решены следующие **задачи** исследования:

1. Определено место жандармских чинов в системе карательно-розыскных органов Российской империи и их роль в контексте политики Штаба Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции;
2. Рассмотрены взаимоотношения чинов Отдельного корпуса жандармов в рамках службы: с чиновниками других ведомств (чинами прокурорского надзора, общей полиции, губернаторами, железнодорожной администрацией, военными), а также с представителями противоправительственных организаций и радикальных политических течений.
3. Изучены основные направления взаимодействия чинов жандармских учреждений и общества вне служебных рамок и сопоставлена реальная практика взаимодействия с общественными представлениями о таковой, с одной стороны, и требованиями нормативных актов, с другой.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных методов, основным из которых является принцип историзма, согласно которому жандармская служба и взаимоотношения чинов Отдельного корпуса жандармов с обществом рассмотрены с учетом обстоятельств и особенностей исторической эпохи. Также стоит отметить метод критического анализа источников, особенно, в работе с источниками личного происхождения. Уточнение вопроса об интенсивности участия чинов жандармско-полицейских управлений железных дорог в борьбе с противоправительственным движением потребовало применения статистического метода. Неправомерно было бы умолчать и о нарративном

⁴*Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880 - 1917 гг.). М., 2013.С. 292-293.

методе, примененном в той части данного исследования, где отдельные эпизоды, не имеющие упоминаний ни в историографии, ни в мемуаристике, были воспроизведены на сравнительно узкой источниковой базе.

Источниковая база исследования включает в себя значительное число как опубликованных, так и неопубликованных источников. К числу первых относится комплекс законодательных и нормативно-правовых документов, относящихся к службе чинов Отдельного корпуса жандармов. Многие законы и положения, а также созданные на их основании ведомственные нормативные акты, нашли свое место в ряду специальных, предназначенных для служебного пользования, сборниках различных инструкций и циркуляров. В первую очередь, в их числе стоит отметить сборник, составленный ротмистром В.И. Добряковым, а также сборник Л. Тимофеева, бывший настольной книгой чинов железнодорожной жандармской полиции. Важную роль в данной работе сыграли также ежегодно публикуемые списки «Общего состава управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов», позволяющие сопоставить личные данные офицеров корпуса, сделать выводы о динамике численности Отдельного корпуса жандармов, количественном соотношении различных управлений⁵. В ряде сборников трудами Е.И. Щербаковой было отобрано значительное число и официальных документов, циркулярных предписаний, инструкций.

Особое место занимают разнообразные мемуарные источники, среди которых: воспоминания жандармских офицеров Мартынова А.П., Спиридовича А.И., Заварзина П.П., Герасимова А.В., Новицкого В.Д., Глобачева К.И., Полякова А.М. и др. Участие большинства из мемуаристов в громких делах своего времени привело к тому, что тексты порой грешат неточностями и преследуют цель «сведения счетов». К корпусу мемуаров жандармских чинов относятся также впервые обнаруженные и опубликованные автором данной работы записки ротмистра В.В. Парфёнова о его службе в Шлиссельбургской крепости,

⁵ Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов за 1890, 1895, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1915, 1916 гг.

являющиеся пока единственными в своем роде воспоминаниями чина крепостной жандармской команды.

Данный корпус источников дополняют воспоминания командиров Отдельного корпуса жандармов Джунковского В.Ф. и П.Г. Курлова, а также директоров Департамента полиции Васильева А.Т. и С.П. Белецкого, позволяющие более детально и разносторонне взглянуть на проблему взаимоотношений чинов Корпуса и различных общественных сил. Интерес с точки зрения реконструкции восприятия руководителями политического розыска его целей и методов представляют протоколы допросов Чрезвычайной следственной комиссии бывшего Директора Департамента полиции сенатора М.И. Трусевича и вице-директора С.Е. Виссарионова.

Отдельного внимания заслуживают воспоминания лидеров противоправительственных движений, политических партий и кружков, террористических организаций – Б. В. Савинкова, Ф.Э. Дзержинского, В.М. Зензинова, Л.Г. Дейча и др. Почти все они имели опыт взаимоотношений с жандармскими чинами при самых разных обстоятельствах: обысках, допросах, арестах, тюремном заключении.

В ходе работы над исследованием также была использована ведомственная («Вестник полиции») и периодическая печать («Голос минувшего», «Гражданин», «Новое время», «Биржевые ведомости» и т.д.). Использованная в работе периодическая печать взята преимущественно в виде вырезок, содержащихся в делах Департамента полиции и Штаба корпуса, что позволило выяснить, какая именно информация попадала в поле зрения карательно-розыскных органов, и что именно они находили для себя оскорбительным, заслуживающим внимания, проверки или же опровержения. С другой стороны, нами были изучены вырезки газет, собранные публицистом В.В. Водовозовым (Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф. 539).

Корпус опубликованных источников в целом отражает подходы к изучению проблематики политической полиции в предшествующие периоды и служит отправной точкой для любых дальнейших работ, однако полностью реализовать

исследовательские задачи данного исследования, опираясь лишь на известные источники, практически невозможно.

Значительное количество неопубликованных архивных материалов введено в научный оборот впервые. Прежде всего, это документация Штаба Отдельного корпуса жандармов, Департамента полиции и местных розыскных органов, хранящаяся в ГА РФ. Всего было проанализировано около тысячи дел, в то время как в список источников данного исследования вошли только те дела, которые цитируются или используются в подсчетах (около 260 дел).

подавляющую часть неопубликованных делопроизводственных документов составили материалы Ф. 110 (Штаб Отдельного корпуса жандармов), сосредоточенные в I, III и V отделениях Штаба корпуса (Оп. 2, 4, 6, соответственно), а также военно-судной части Штаба корпуса (Оп. 14). I-е отделение Штаба ведало личным составом и комплектованием частей корпуса; III-е отделение с 1867 г. занималось хозяйственными и финансовыми вопросами, а с 1893 г. осуществляло контроль за деятельностью чинов ЖПУ жд; в V-м отделении с 1896 г. сосредоточены материалы, касающиеся расследований должностных преступлений чинов корпуса, переписка по донесениям об оскорблениях жандармов при исполнении служебных обязанностей. В Ф. 110 содержатся циркуляры, регламентирующие едва ли не все стороны жизни жандармских чинов. К числу неопубликованных материалов относятся отчеты, приказы, рапорты, инструкции, докладные записки, телеграммы и т.д.

Среди впервые введенных в научный оборот документов значительную часть занимают материалы, запечатлевшие реакцию жандармского начальства на жалобы со стороны обывателей на своих подчиненных; дела, начатые в ответ на журнальные и газетные публикации и предпринятые впоследствии расследования; материалы, содержащие результаты инспекторских смотров; послужные списки офицеров Корпуса.

Важные материалы содержатся в документах Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве при московском градоначальнике, иными словами, Московской охранки (Ф. 63) и Департамента

государственной полиции Министерства внутренних дел (Ф. 102): справки, протоколы допросов обвиняемых, материалы перлюстрации, отчеты о наблюдении за известными политическими фигурами, филерские «рапортички». Отдельные детали почерпнуты в фондах жандармско-полицейских управлений железных дорог (Ф. 59. Московское жандармско-полицейское управление железных дорог, Ф.127. Жандармское полицейское управление Северо-Западных железных дорог).

В особую категорию следует выделить различные рапорты и записки жандармских офицеров (генерал-лейтенантов М.А. Красовского и К.Ф. Шрамма, подполковника Б.А. Левенца, полковника Д.С. Померанцева и др.) Важную роль в реконструкции служебных взаимоотношений жандармских чинов играет также переписка офицеров между собой и с начальством.

Характеристика жандармского начальства сосредоточена в делах Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств. (Ф.1467).

Изученные материалы позволяют в полной мере отразить проблематику в рамках сравнительного описания приписываемой жандармам общественной роли и реалий регулярной службы и частной жизни.

Новизна и научная значимость работы состоит в том, что впервые проведен комплексный анализ взаимоотношений чинов корпуса, принадлежащих к различным полицейским и охранительным структурам, между собой, а также с сотрудниками других государственных учреждений и ведомств (чинами прокурорского надзора, губернаторами, регулярной полицией, железнодорожной администрацией) в рамках их служебной практики.

Служебные взаимоотношения жандармских офицеров и представителей чиновничества и полиции, рассматриваемые ранее в диссертационных исследованиях исключительно в рамках региональной специфики, в данной работе были изучены более полно, в масштабах империи, чему способствовала широкая источниковая база. Она также позволила выявить особенности

взаимовлияния политики руководства Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции, с одной стороны, и общественного мнения и прессы, с другой. Большое внимание в работе уделено реакции жандармских чинов на выпады со стороны прессы, специфике их понимания корпоративной чести, а также методам её защиты.

Отказ от восприятия отношений между жандармами и революционерами в традиционном контексте «борьбы», позволил по-новому оценить служебную практику и социальную роль жандармских чинов, что для отечественной историографии составляет определенную новизну. Вместе с тем, в исследовании наглядно продемонстрированы особенности взаимоотношений жандармов, принадлежащих к различным учреждениям политического сыска, с представителями разных социальных слоев. Впервые в отечественной историографии значительное внимание уделено службе чинов крепостных жандармских команд и их отношению к заключенным революционерам.

Исследование также уточняет позицию руководства Департамента полиции по вопросу о профессиональной и идеологической подготовке своих подчиненных. Записки с проектами реформы полиции, принадлежащие перу жандармских офицеров, обнаруженные впервые, позволяют говорить уже не только о законотворческих планах высшего руководства из Штаба корпуса и Департамента полиции, но и восприятию данных идей начальниками жандармских управлений.

Работа позволяет уточнить некоторые прежде неизвестные детали биографии деятелей политического сыска, а также помогает иначе взглянуть на их мемуары. Так, например, впервые введенные в научный оборот документы о службе братьев Александра, Петра и Николая Мартыновых, вынуждают к дальнейшему пересмотру и переосмыслению расстановки сил среди штаб-офицеров жандармского ведомства.

В данном исследовании представлены новые факты, касающиеся организации и деятельности чинов ЖПУжд. В частности, фактическая невовлеченность железнодорожной жандармской полиции в базовые практики

политического сыска, вкупе с численным преобладанием чинов ЖПУжд, таким образом, вынуждает к пересмотру роли жандармского ведомства в политическом сыске вообще.

Впервые в историографии была поднята тема гендерных и семейных взаимоотношений чинов Отдельного корпуса жандармов и их влияния на карьеру жандармов.

Данная работа станет выгодным дополнением комплекса исследований, изучающих процессы и события последних десятилетий существования империи Романовых, и поможет в формировании оценки суммарного идеологического давления общества на службу чинов политической полиции.

Практическая значимость. Текст диссертации обсуждался на кафедре истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе в вузах страны, в подготовке новых исследований о карательно-розыскных органах Российской империи, в справочных и энциклопедических изданиях.

Апробация результатов диссертационного исследования. Отдельные положения диссертации были опубликованы в научной периодической печати и статьях автора в сборниках материалов следующих конференций: международной конференции «Российский парламентаризм: истоки, история и современность» (Москва, 17-18 апреля 2013), международной конференции «Транспортные коммуникации Российской империи в годы Первой мировой войны» (Москва, 28 января 2014 г.), научной конференции студентов и аспирантов кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ «Проблемы организации и функционирования государственного аппарата в России» (Москва, 14 ноября 2014 г.).

Структура диссертации обусловлена задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во **введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается степень ее изученности, определяются цель и задачи, объект и предмет, хронологические рамки предпринятого исследования, дается анализ её источниковой базы, формулируется научная новизна и практическая значимость.

Глава первая «Учреждения политического сыска Российской империи: история, структура, кадры» состоит из трех параграфов.

В *первом параграфе* «**Возникновение Отдельного корпуса жандармов и основные этапы его существования**» установлено, что Отдельный корпус жандармов, создание которого стало ответом правительства на восстание декабристов, изначально проектировался с большой оглядкой на общество. Власть желала видеть свое детище в ореоле престижа, поэтому принципиальное значение придавалось морально-нравственным качествам чинов корпуса. В идеале, предполагалось при посредничестве жандармского ведомства обеспечить защиту граждан в условиях патерналистской парадигмы и наладить обратную связь между государством и обществом, в отсутствие гражданских свобод. Общество же изначально ответило сомнением в целесообразности создания специального полицейского органа при наличии власти губернаторов, прокуратуры и регулярной полиции.

Говоря об общественной роли жандармов, подполковник Г.П. Судейкин заявлял: «Во главе русского прогресса теперь революционеры и жандармы!» На протяжении последнего царствования в организационном отношении борьба учреждений политического сыска и противоправительственных организаций шла с переменным успехом, однако спад открытой революционной активности после подавления первой русской революции стал причиной отказа от поиска новых форм и методов деятельности политической полиции. Затягивание решения вопроса о реформе полиции не позволило карательно-розыскному аппарату империи своевременно среагировать на качественное перерождение противоправительственного движения.

Во втором параграфе «Взаимодействие жандармских чинов в рамках системы политической полиции» анализируется структура политической полиции империи, а также дается характеристика их профессиональному взаимодействию и личным взаимоотношениям жандармских чинов различных учреждений между собой в рамках их служебной деятельности.

Одним из недостатков, вытекающих из несбалансированной организации системы карательных органов в России, стала проблема нарушения взаимодействия полицейских чинов между собой, причем как чисто служебного, так и личного. Главным яблоком раздора в жандармской среде стало отношение к «охранке» и её руководителям. Функции охранных отделений переплетались с областью ответственности ГЖУ, порождая нездоровое соперничество. Штаб корпуса, воспринявший действия гражданских чиновников Департамента полиции как прямое вмешательство в свои дела, только подогревал подобные настроения. Примеры подобных разногласий подробно проанализированы на примере взаимоотношений А.П. Мартынова, в бытность его начальником Саратовского охранного отделения, с сослуживцами.

Железнодорожные жандармы, составлявшие большинство чинов корпуса и пользовавшихся покровительством Штаба Отдельного корпуса жандармов, так и не стали полноценной частью политической полиции, о чем свидетельствуют сводные перечневые ведомости произведенным дознаниям, а также обширная переписка с Департаментом полиции по вопросам приобретения агентуры на железной дороге.

В третьем параграфе «Характеристика кадрового состава» анализируется кадровая политика, которая также являлась предметом спора между Штабом Отдельного корпуса жандармов и Департаментом полиции. Если Штаб стремился следовать традициям воинской корпорации, то Департамент руководствовался принципом эффективности. Вместе с тем, следует отметить выявленную условность традиционных ограничений при приеме в корпус. В свою очередь, вопрос достаточности мер по организации профессиональной подготовки офицеров следует рассматривать в связи с особенностями

дворянского менталитета. Дворянское сибаритство и негибкость офицерского мировоззрения, наряду с внутрикорпоративным соперничеством, стали весомыми препятствиями на пути конструирования жандармской идентичности.

Во второй главе «Круг взаимоотношений чинов Отдельного корпуса жандармов в рамках служебной деятельности» исследуется комплекс профессиональных контактов жандармских чинов, обусловленный реализацией задач учреждений жандармско-полицейского надзора.

В первом параграфе «Служебные взаимоотношения жандармских чинов вне системы органов политической полиции» анализируются особенности их совместной работы с чиновниками Министерства юстиции, губернаторами, полицией, представителями ведомства путей сообщения, а также военными чинами. В большинстве случаев жандармы проигрывали чинам прокурорского надзора в профессионализме и расторопности, что было вызвано нехваткой кадров, отсутствием необходимого опыта и специального образования. Вместе с тем, способность жандармского офицера к качественному исполнению следственных действий и соблюдению законных процедур гарантировала отсутствие проблем с прокурорским надзором, а последствия конфликтов были далеко не столь фатальны, как в случае возникновения разногласий с губернаторами. Конфликт губернатора с жандармским офицером, оканчивался переводом последнего на другое место службы даже в случае его правоты и почти всегда приводил к значительному ухудшению отношений местных органов жандармского надзора с общей полицией. Ввиду малочисленности чинов политического сыска в провинции общая полиция нередко составляла им конкуренцию, что становилось причиной провала агентуры.

Наиболее интенсивными и многочисленными были служебные контакты чинов жандармского ведомства и железнодорожной администрации, вплоть до организации ознакомления железнодорожных жандармов с телеграфным делом и обучения управлению паровозом.

Несмотря на неприязнь, продиктованную представлениями об офицерской чести, не приемлющей методов работы политической полиции, у военного

руководства и жандармских чинов имелся значительный совместный фронт работ, наиболее значимыми частями которого являлись: 1) организация контрразведки, выразившаяся в создании контрразведывательных отделений, и 2) организация противодействия революционной пропаганде в армии, ставшая неосуществимой благодаря инициативам В.Ф. Джунковского, разделявшего прохладное отношение военной среды к жандармскому мундиру.

Во втором параграфе «Взаимоотношения жандармских чинов с адептами противоправительственных идеологий и организаций» показано, что жандармы и представители революционных организаций находились во власти двух разных мировоззренческих парадигм. Идеалистические доктрины, склонные переносить линейные схемы механистического прогресса на перспективы общественного развития, делали своих адептов непримиримыми антагонистами царского режима. Для жандармского восприятия, в силу инерции сословных представлений, политические преступники, составляющие часть образованного класса, не являлись однозначным обезличенным злом, в силу чего мероприятия жандармских учреждений не были сознательно направлены на депривацию у осужденного его человеческого и гражданского достоинства, не препятствовали поддержанию в определенном объеме родственных, сословных и духовных связей заключенных. Вместе с тем, отношение жандармских чинов к политическому преступнику в значительной мере зависело от его общественного положения, сословного происхождения и достатка. Сами же жандармы являлись для своих противников классовым врагом, атавизмом старого мира.

Третья глава «Круг внеслужебных взаимоотношений жандармских чинов» рассматривается комплекс социальных контактов, не обусловленный интересами службы, а также особенности формирования образа жандарма в общественном восприятии.

В первом параграфе «Внеслужебная и личная жизнь жандармских чинов» рассматриваются основные формы досуга и сфера общения жандармских офицеров, куда входили преимущественно сослуживцы, военные и чиновники губернских учреждений. Большое внимание уделено семейной жизни и

требованиям, предъявляемым руководством корпуса к службе и моральному облику жандармов. Так, если успешная женитьба могла принести большие плоды, то неудачное супружество (или даже сватовство) могло привести к краху карьеры.

Второй параграф «негативное отношение общества к жандармам: истоки и воплощение» посвящен анализу формирования априорно отрицательного восприятия обществом чинов Отдельного корпуса жандармов. Общественная оценка жандармского ведомства не являлась следствием реального опыта и складывалась из нескольких компонентов.

Объектами неприязни становились отдельные практики и приёмы работы политической полиции. Так, символом и средоточием негативного отношения к жандармскому ведомству стал термин «провокация», означающий в словаре революционеров всякое осведомительство в принципе, и в этом качестве усвоенный широкой аудиторией.

Формированию негативного образа чинов корпуса способствовала пресса, т.к. фигура жандарма появлялась на страницах газет и журналов преимущественно в контексте скандалов. Руководство Отдельного корпуса жандармов предпринимало попытки противостоять клевете, публикуя опровержения неверно преподнесенных фактов, однако в полемику оно не вступало и не разъясняло своих действий, что порождало у читателей веру в безнаказанность жандармских чинов. Единственным же легитимным выразителем мнения жандармского ведомства в мире прессы являлся журнал «Вестник полиции», в связи с чем в публичном пространстве позиция жандармского ведомства в целом и по конкретному поводу была практически неразличима.

В заключении подведены итоги исследования.

Отдельный корпус жандармов изначально создавался в расчете на общественную симпатию, с одной стороны, и лояльность режиму, дисциплину и управляемость, с другой. Это послужило причиной того, что полиция «благородного сословия» получила именно военную организацию. Однако политическая радикализация российского общества на фоне бурного социально-экономического роста опровергла чаяния власти и вынудила полицейскую

систему империи к ряду трансформаций. Ввиду того, что инакомыслие узкого круга лиц сменилось массовым террором, в оценке работы тайной полиции на первый план со всей очевидностью выступил критерий эффективности. Это вступало в явное противоречие с порядками, предписанными пережитками сословного общества, Табелью о рангах, дворянской моралью и обычаями воинской корпорации. На почве данных противоречий между Департаментом полиции, заведовавшим политическим розыском, и Штабом Отдельного корпуса жандармов, осуществлявшим непосредственно чиновничество и ведавшим хозяйственной и инспекторской частью, перманентно разгорались конфликты. Одним из принципиальных противоречий стал вопрос о допустимости использования услуг платной агентуры. Практика показала, что многие офицеры ГЖУ не испытывали энтузиазма в отношении этого источника информации, а чины ЖПУЖд находили возможным игнорировать служебные практики, связанные с политическим сыском, даже когда таковые вменялись им в обязанность. Данное обстоятельство, ввиду численного преобладания чинов ЖПУЖд вынуждает к пересмотру роли жандармского ведомства в политическом сыске вообще. Кроме того, широкий спектр функций различных жандармских учреждений и разнообразие их организации предопределили размывание жандармской идентичности.

Проблема отсутствия единства полиции дает себя знать, какой бы эпизод внутриведомственного взаимодействия мы ни приняли к рассмотрению. Недостатки в организации жандармского ведомства, в отборе и подготовке кадров находили свое выражение в служебных отношениях жандармских офицеров с ближайшими коллегами – чиновниками МВД и Министерства юстиции. Дублирование функций вызывало взаимное недоверие и соперничество, а также несогласованность в работе центра и периферии. Всё это крайне негативно отражалось на деле и, несомненно, играло на руку противоправительственным силам.

Что касается реальной практики взаимодействия жандармов с революционерами, то, исходя из признаний последних, их первоначальные

ожидания, как правило, оказывались куда мрачнее, чем последующий опыт общения с чинами Отдельного корпуса жандармов. Жандармские офицеры вели себя, в основном, корректно и не испытывали враждебности к арестованным революционерам. Жандармские нижние чины и в арестованных интеллигентах продолжали видеть сословное и интеллектуальное превосходство. Это делало служебное положение жандармских унтер-офицеров уязвимым к жалобам как заключенных, так и обывателей.

Несмотря на значительное разнообразие жандармских органов, в обществе сформировалось практически единое, с небольшими оговорками, иррациональное негативное представление о чинах жандармского корпуса. В основных своих чертах оно сложилось ещё в предшествующий период. Публика, далекая от представлений о реальной службе большинства жандармских офицеров, воспринимала их как исполнителей сугубо карательной функции самодержавия.

Одним из важнейших элементов формирования негативного образа жандармского ведомства была пресса. В фокусе внимания прессы оказывались почти исключительно политические скандалы с участием полиции, случаи превышения полномочий, «провокации» и т.д. Практически все более-менее крупные конфликты в самом жандармском ведомстве выливались на страницы прессы, повышая градус антипатии к жандармам и как бы доказывая справедливость общественных претензий. Авторы критических публикаций не брезговали тенденциозными искажениями информации. Важно отметить, что львиная доля общественного внимания была прикована к обсуждению отдельных сторон деятельности немногочисленных офицеров охранных отделений. Регулярная практика большинства жандармских чинов практически полностью выпадала из поля зрения общества, хотя наибольшее число непосредственных контактов приходится именно на чинов ЖПУ жд, весьма далеких от политического сыска.

МВД так и не смогло выработать эффективной модели взаимоотношений с прессой и неудобные темы, как правило, предпочитало замалчивать, опасаясь эскалации их общественного резонанса. Единственный печатный орган, отчасти

представляющий жандармское ведомство - журнал «Вестник полиции» - имел скорее прикладное, служебное значение и не стал полноценной площадкой даже для обсуждения проектировавшейся реформы полиции, не говоря уже об установлении диалога с обществом. Подобное отношение способствовало изоляции жандармских чинов и замыканию их внутри собственной корпорации. Большинство их неслужебных контактов также приходилось на общение с сослуживцами и коллегами по государственной службе.

Вместе с тем, декларируемая руководством необходимость соответствия высоким нравственным стандартам и неудовлетворительное финансовое положение большинства жандармских чинов, во многом, ставили их карьеру в зависимость от выбора спутницы жизни. Неудачное супружество или вышедшая из-под контроля связь могли завершиться крахом карьеры. Жандармы и сами едва ли вписывались в социальный уклад строя, который были призваны защищать.

Тем не менее, работа учреждений политического розыска, была, в целом, успешна. Революционное движение, как деятельность нелегальных противоправительственных групп, в предвоенный период было разделено и подавлено. Однако противодействие общественному движению и Февральской революции, совершившейся, во многом, благодаря законно избранным или назначенным на свои посты деятелям, сумевшим оседлать волну широкого народного недовольства, требовало совершенно иных средств, нежели те, что имелись в арсенале жандармских офицеров. Многие полицейские чины понимали свою службу как исполнение неизменных функций государственного аппарата, однако склонить на свою сторону общество они оказались не в силах. Таким образом, революционное движение одержало победу, сначала моральную, перетянув на свою сторону общественные симпатии, и лишь затем фактическую.

В приложениях даны: Таблица «Динамика роста численности чинов ОКЖ (1890-1916 гг.)»; Программа предварительных испытаний офицерам, желающим поступить на службу в Отдельный корпус жандармов; Таблицы с перечневыми ведомостями о дознаниях, произведенных чинами ЖПУ жд за 1908, 1909, 1912, 1915, 1916 гг.; Таблица «Дознания и коммерческие протоколы по всем железным

дорогам общего значения»; Таблица «Унтер-офицеры ЖПУ жд, умеющие управлять паровозом и знающие телеграфное дело» (на 1910 г.); Статистическая таблица о числе лиц, высланных в порядке ст. 34 Положения об охране с подразделением по годам и по местностям, откуда высланы. 24 октября 1909 г.; Статистическая таблица о числе освобожденных на основании отдела ХХХ Высочайшего Указа 21 февраля 1913 года; Статистическая таблица о числе пострадавших чинов полиции и Отдельного корпуса жандармов с 1 октября 1905 г. по 20 ноября 1909 г.; Статистическая таблица «Террористические акты и грабежи с 1 октября 1907 г. по 12 мая 1910 г.»; Статистическая таблица студентов, участвовавших в беспорядках в 1899-1901 г., с указанием процентного отношения участвовавших по вероисповеданиям.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Лаврёнова А.М. Чины Отдельного корпуса жандармов в восприятии российских революционеров // Вестник РГГУ. № 19 (141). М., 2014. С. 21-32.
2. Лаврёнова А.М. Служба А.П. Мартынова в Саратовском охранном отделении (о кризисе идентичности в жандармской среде) // Новый исторический вестник. № 1 (43). М., 2015. С. 99-116.
3. Лаврёнова А.М. Синий мундир в Зеркале Венеры: Взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов // Новый исторический вестник. № 2 (44). М., 2015. С. 31-53.

Публикации в других научных изданиях:

4. Лаврёнова А.М. Жандармский надзор в Вержболово накануне Первой мировой войны. // Транспортные коммуникации Российской империи в годы Первой мировой войны: Материалы международного круглого стола, 28 января 2014 г. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 168-181.

5. Лаврёнова А.М. А.И. Гучков и его окружение в документах политической полиции //Российский парламентаризм: истоки, история и современность. Материалы научно-практической конференции. М. 2013. С. 72-79.

6. Лаврёнова А.М. Жандармско-полицейские управления железных дорог и дознания по политическим делам: история одного мезальянса//Проблемы организации и функционирования государственного аппарата в России: Материалы научной конференции студентов и аспирантов кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ (14 ноября 2014 г.). С. 11-17.

7. Лаврёнова А.М., Черниченко М.Ю. «Августейший больной», жандармы и психиатры: «Крымские каникулы» великого князя Николая Константиновича (1901 – 1904 годы) //Новый исторический вестник. № 1 (51). М., 2017. С. 116-151.

Документальные публикации

8. Лаврёнова А.М. Судьба жандарма: Воспоминания ротмистра В. В. Парфёнова о службе в Шлиссельбургской крепости. Часть 1. Жандармы Шлиссельбурга//Обозреватель - Observer. 2017. № 3. С.111-122.; Часть 2. Узники Шлиссельбурга//Обозреватель - Observer. 2017. № 4. С. 107-116; Часть 3. Шлиссельбургские казни//Обозреватель - Observer. 2017. № 5. С. 113-118.